

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2026.1.49.1

УДК 316.4.06:332.122 | ББК 60.70

© Кулькова И.А.

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ НА АДАПТАЦИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ К ВНЕШНИМ ШОКАМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕГАПОЛИСА И МАЛЫХ ГОРОДОВ

ИННА АНАТОЛЬЕВНА КУЛЬКОВА

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: i.a.koulkova@mail.ru

ORCID: [0000-0003-1975-0875](https://orcid.org/0000-0003-1975-0875) ResearcherID: [H-5953-2015](https://pubs.rsos.royalsocietypublishing.org/author/H-5953-2015)

В статье предпринята попытка провести анализ результативности влияния социальных институтов на экономическое поведение населения, поскольку они играют ключевую роль в формировании и трансформации экономического поведения индивидов и групп в ответ на динамичные изменения в экономическом контексте. Результативность влияния оценивается на основе субъективных мнений, выявленных путем социологического опроса. Опрос проводился в период с 2021 по 2024 год (две волны: в первую было опрошено 297 человек, во вторую – 268) в городе Екатеринбурге, который можно назвать мегаполисом, и в малых городах Свердловской области, что позволило сравнить результативность по размерам населенных пунктов. Результаты исследования показали, что почти треть опрошенных испытывают беспокойство из-за слишком быстрых перемен в их жизни и работе, причем в малых городах процент несколько выше, чем в мегаполисе. Помощь в адаптации экономического поведения население получает из разных социальных институтов. Наивысшую результативность среди них, то есть соответствие помощи, оказываемой социальным институтом, ожиданиям населения, показывают семья, дружба и родство примерно в равной степени в мегаполисе и в малых городах. Социальные институты образования, денег, собственности и творчества показывают результативность около 20% в равной степени в мегаполисе и в малых городах. Результативность институтов религии и консультаций психологов (коучей и т. п.) в 2023 году выросла по сравнению с 2021 годом; результативность власти и средств массовой информации как социальных институтов в малых городах выше, чем в мегаполисе, при этом она остается достаточно низкой. Результаты исследования могут по-

служить основой для улучшения социальных программ и практик, направленных на оптимизацию экономического поведения населения.

Экономическое поведение, адаптация поведения, социальные институты, результативность социальных институтов, субъективная оценка результативности, динамичные социоэкономические изменения.

Благодарность

Исследование выполнено в соответствии с планом НИР Института экономики Уральского отделения РАН на 2024–2026 гг., Государственное задание, НИОКР Министерство науки и высшего образования РФ, 0327-2024-0009.

Введение

Изучение экономического поведения населения позволяет лучше понять, как люди принимают решения, распределяют ресурсы и реагируют на изменения в экономической среде. Это знание критично для формирования эффективной экономической политики, разработки социальных программ, а также для реализации компаниями стратегий маркетинга. Понимание факторов, влияющих на экономические решения, может способствовать более устойчивому развитию общества и экономики в целом, чем и объясняется актуальность темы исследования.

Экономика со времен А. Смита исследовала различные виды активности людей в экономической сфере, однако лишь очень небольшое количество работ касалось процесса принятия решений и выбора. Важным импульсом для развития поведенческой экономики в России явилась теория перспектив, разработанная Д. Канеманом и А. Тверски (Kahneman, Tversky, 1979; Tversky, Kahneman, 1992), предложившая альтернативу теории ожидаемой полезности фон Неймана (Neumann, Morgenstern, 1944), объясняя, как происходит отклонение от рациональных решений в условиях неопределенности, за что в 2002 году были удостоены Нобелевской премии по экономике. Необходимость учета ментальных особенностей российского населения привела к увеличению более чем втрое числа отечественных публикаций по изучению экономического поведения населения в период с 2004 по 2023 год (Кулькова, 2024, с. 4).

В соответствии с неоклассической концепцией современная наука под экономи-

ческим поведением населения понимает «форму активности человека, его осознанную деятельность в воспроизводственной сфере, направленную на субъективную оптимизацию результатов (максимизацию ожидаемой полезности) вследствие соотношения имеющихся предпочтений и ограниченных ресурсов с возможными вариантами их использования» (Белехова, 2018, с. 80).

В рамках социально-экономической науки выделяют различные модели экономического поведения, исходя из определения модели поведения как «своего рода шаблона, который человек осознанно или неосознанно применяет в различных сферах своей жизни» (Клюйко, Морозов, 2024, с. 395). Например, Е.А. Смирнова выделяет и описывает 13 моделей экономического поведения (Смирнова, 2013), однако наиболее распространенными подходами к выделению моделей экономического поведения являются следующие четыре (Вьюшина, Павленко, 2010):

1. Экономические модели поведения, построенные на двух основных предпосылках: рациональности и эгоизме, где первая подразумевает осознанность и расчет действий, а вторая – следование человека (Homo Economicus) своим интересам. Основоположник классической экономической теории А. Смит в анализе поведения «экономического человека» выявлял стремление выбрать такой вид деятельности, который обеспечит максимизацию собственных доходов (как текущих, так и перспективных) (Смит, 1962). Дальнейшее развитие эта идея получила у маржиналистов (А. Курно,

И. Тюнен, Г. Гюссен и др.), которые выдвинули концепцию человека-оптимизатора, представляющего максимизатором полезности. Институционализм как экономическая теория исходил из теории ограниченной рациональности и предложил рассматривать человека прежде всего как члена общества, т. е. принимающего общественные нормы, санкции, добивающегося в коллективе определенного статуса, исполнения ролевых функций и т. д. (Одегов и др., 2007, с. 259). Неоинституалисты в последующем доказывали, что на рациональное поведение оказывают серьезное влияние психологические предпосылки. Так, Г. Беккер переносил фокус внимания в моделях экономического поведения с материальных выгод на удовлетворение духовных потребностей, тогда как рациональное экономическое поведение иногда может означать отказ от материальной выгоды ради неэкономических выгод (Беккер, 2003). Неоинституализм предложил преобразовать предмет исследования экономической теории в выявление факторов формирования рационального экономического поведения в условиях ограниченных ресурсов (Полищук, 2005, с. 40).

2. Психологические модели экономического поведения базируются на модели *Homo Psychologicus* (Lecouteux, 2016), основными чертами которого являются «импульсивность, эмоциональность, обусловленность его поведения внутренними, неосознанными и неконтролируемыми им психическими силами, что делает его противоречивым и непредсказуемым» (Дружинин и др., 2000, с. 486).

3. Социологические модели строятся на подходе к человеку как *Homo Sociologicus*, главной чертой которого является включенность в разнородные социальные структуры и социальные связи (Маринова, 2007). Главенствующую роль в данной модели играют социальные институты и социальные нормы поведения (Бондаренко, Василюк, 2005).

4. Философские модели экономического поведения характеризуются целостным подходом к человеку, обогащают модели

предпринимательской деятельности ценностным содержанием: общественное благо, справедливость, достоинство, честность, порядочность, свобода (Нисанов, Тышкевич, 2015).

Представленные модели экономического поведения выделяют различные детерминанты действий индивида – от рационального расчета до следования социальным нормам и ценностям. Объединяющим фактором, влияющим на экономические решения и, как результат, на поведение, остаются социальные институты. Они формализуют рациональные стратегии, предлагают эмоциональные опоры, закрепляют нормы и транслируют ценности, тем самым выступая ключевым механизмом адаптации поведения к изменяющимся условиям.

Социальные институты, по дефиниции Дугласа Норта, представляют собой «правила игры в обществе», т. е. формальные и неформальные нормы, регулирующие поведение членов общества (Норт, 1997). Ключевая функция социальных институтов заключается в снижении неопределенности путем создания устойчивых моделей поведения, норм и правил, что позволяет обеспечивать стабильность и предсказуемость общественных отношений (Ядов, 2006). Они закрепляют социальные роли и статусы, регулируют взаимодействия и способствуют воспроизводству социальных структур (Ляпина и др., 2021). В условиях внешних шоков, таких как пандемия и санкции, социальные институты выступают в роли «амортизаторов», помогая населению адаптировать свое экономическое поведение к новым реалиям, снижая социальные риски и обеспечивая поддержку устойчивости общества (Аврамова, Логинов, 2018; Козырева, Смирнов, 2025).

Различные классификации социальных институтов, являющихся фундаментальными структурами, обеспечивающими порядок, воспроизводство и адаптацию общества, особенно в условиях изменяющейся внешней среды, выделяют первичные (неформальные) институты (семья, родство, дружба); формальные институты (власть, право, система образования); институты,

связанные с ресурсами (деньги, собственность); а также символические институты (религия, СМИ, искусство) (Шубников, 2013). Такая систематизация отражает многообразие функций и сфер влияния социальных институтов в обществе и экономике, обеспечивая их комплексное воздействие на процесс интеграции и стабилизации социальной жизни и на поведение, в том числе экономическое.

Являясь важной социально-экономической задачей, адаптация (приспособление) поведения населения к динамичным изменениям экономической и социокультурной среды побуждает практически все социальные институты оказывать помощь жителям, используя разные институциональные механизмы, под которыми с точки зрения институционального подхода понимается «установленная система взаимодействий субъектов экономики на основе институтов» (Истомин, 2010, с. 52).

Целью настоящего исследования является оценка результативности влияния социальных институтов на адаптацию экономического поведения населения к изменениям социально-экономической среды, вызванным внешними шоками (пандемия COVID-19, санкционное давление, проведение специальной военной операции). Научная новизна работы заключается в сравнительном анализе широкого спектра институтов – от первичных (семья) до формальных (власть) – в условиях последовательной смены кризисных контекстов, а также в выявлении территориальных различий их влияния в мегаполисе и малых городах.

В соответствии с целью была выдвинута генеральная гипотеза исследования, состоящая в том, что индивидуумы, испытывающие беспокойство от происходящих социоэкономических изменений, ожидают помощи в адаптации от социальных институтов и оценивают их результативность по степени соответствия этой помощи своим ожиданиям.

Для верификации генеральной гипотезы были сформулированы и эмпирически проверены следующие частные гипотезы:

1) уровень беспокойства населения, связанного со стремительными переменами, является значительным и варьируется в зависимости от типа/размера населенного пункта;

2) наибольшей результативностью в адаптации экономического поведения обладают институты ближайшего социального окружения (семья, родственники, друзья), и их роль является стабильно высокой вне зависимости от территории;

3) институты, связанные с формированием человеческого капитала и экономической безопасностью (образование, деньги, собственность), имеют стабильно умеренный уровень влияния;

4) в условиях нарастания социально-экономической неопределенности повышается результативность институтов, обеспечивающих символическо-мировоззренческую и психологическую поддержку (религия, профессиональные консультации);

5) результативность формальных институтов (власть, СМИ) в адаптации к изменениям социальной реальности / социально-экономической ситуации является ограниченной и не соответствует высоким ожиданиям населения, сформированным в такой ситуации;

6) влияние формальных институтов (власть, СМИ) на адаптацию имеет территориальную дифференциацию и проявляется сильнее в малых городах по сравнению с мегаполисом, хотя и остается на низком общем уровне.

Таким образом, исследовательская задача состоит в последовательной проверке этих предположений, что позволит перейти от описания эмпирических данных к их содержательной интерпретации. Последовательная проверка выдвинутых гипотез составляет основу дальнейшего анализа.

Методы и информационная база исследования

Под результативностью традиционно понимается «степень достижения результата, поставленных целей» (Селиверстова, 2015, с. 5). Для оценки результативности наряду

с объективными статистическими данными можно использовать субъективное мнение населения, которое в рамках данного исследования определяется на основе социологического опроса.

Е.А. Штеле, О.Б. Вечерковская отмечают, что «с учетом институциональной направленности, результативность представляет собой соотношение ожиданий по поводу взаимодействия экономических субъектов и реальных итогов такого взаимодействия, обусловленного согласованными интересами экономических субъектов в заданной институциональной среде» (Штеле, Вечерковская, 2017, с. 939). В отношении нашего исследования была выдвинута генеральная гипотеза о том, что индивидуумы, обеспокоенные слишком быстрыми переменами в их жизни и работе, ожидают помощи в адаптации к этим изменениям со стороны различных социальных институтов. Тогда оценка результативности может осуществляться на основе субъективного представления населения о соответствии оказываемой социальными институтами помощи в процессе адаптации поведения их ожиданиям.

В рамках нашего исследования под результативностью влияния социального института понимается его способность – с точки зрения самого населения – оказывать действительную помощь в адаптации экономического поведения. В качестве операционального индикатора такой результативности выступила субъективная оценка респондентами того, насколько тот или иной институт помогает им «чувствовать себя увереннее» в условиях перемен. Предполагается, что это чувство уверенности формируется именно тогда, когда получаемая помощь воспринимается как значимая и отвечающая личным ожиданиям, что позволяет использовать данный показатель в качестве валидной меры субъективной результативности.

Социологический опрос проводился методом экспедиционного анкетирования в городах Свердловской области. Использовалась разработанная нами анкета, которая прошла пилотажную апробацию в сентябре 2021 года со студентами Уральского федерально-

го университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, обучающимися по направлению «Маркетинг». Проведено две волны исследования. Первая волна осуществлена в период с 9 ноября 2021 года по 5 февраля 2022 года. Большинство респондентов опрошено в 2021 году, поэтому в анализе результатов данная волна представлена как исследование 2021 года; вторая волна проводилась в период с 6 октября 2023 года по 1 февраля 2024 года, при этом во вторую волну большинство респондентов опрошено в сентябре – начале октября 2023 года. Стремительная трансформация социально-экономической ситуации привела к тому, что два вопроса в анкете второй волны были изменены: в 2021 году вместо вопросов об адаптации к ограничениям, вызванным пандемией коронавируса, в 2023 году были добавлены вопросы об адаптации к ограничениям, вызванным множественными санкциями недружественных стран, и об адаптации к условиям проведения специальной военной операции и последовавшей за ней частичной военной мобилизации. В анкете для респондентов использовались различные близкие по смыслу формулировки для обозначения социальных институтов, что было обусловлено необходимостью адаптации вопросов к конкретному контексту (пандемия, санкции, СВО).

Объем выборки рассчитывался исходя из того, что численность населения Свердловской области на начало 2023 года составляла 4310,69 тыс. человек, при этом в опросе не планировалось участие детей и лиц старше 80 лет, поэтому генеральная совокупность составляла 3310615 человек. Тогда, принимая доверительную вероятность равной 95% и доверительный интервал $\pm 6\%$, объем выборки составляет 267 человек.

Всего в первую волну было опрошено 297 человек, во вторую волну – 268 человек. Примерно половина респондентов опрошена в г. Екатеринбурге (145 человек в первую волну и 143 – во вторую). Екатеринбург соответствует признакам мегаполиса, поскольку в нем проживает более 1 млн человек (в 2023 году – 1539371 человек), яв-

ляется экономическим, политическим, культурным центром с развитой инфраструктурой. Остальные респонденты опрошены в малых городах Свердловской области: Артемовский, Асбест, Белокаменный, Богданович, Верхнее Дуброво, Висимо-Уткинск, Волчанка, Волчевка, Заречный, Камышлов, Лесной, Мартюш, Октябрьский, Первомайский, Ревда, Синарский, Уралец и др. Численность опрошенных в данных городах была разной. Также в выборке соблюдалось примерно равное соотношение мужчин и женщин. В первую волну участвовало 48% мужчин и 52% женщин, во вторую волну – соответственно 49 и 51%. Размещение выборки осуществлялось случайным методом.

Результаты анкетирования обработаны в специальной программе, написанной на основе Excel. Результаты анализировались отдельно по мегаполису и по малым городам, и также отдельно по волнам анкетирования.

Результаты

Прежде всего в анкете был задан вопрос об отношении населения Свердловской области к стремительным переменам в жизни и работе. В той или иной степени такое беспокойство испытывает почти треть опрошенных (27,9%), причем в малых городах процент выше, но остается в пределах статистической погрешности (27,2% – в Екатеринбурге и 28,7% – в малых городах области). 70% опрошенных ответили, что такого беспокойства не испытывают или скорее не испытывают (71,4% – в Екатеринбурге и 68,7% – в малых городах), остальные затруднились ответить. Отличия в ответах в мегаполисе и малых городах, а также в динамике по двум исследованиям представлены на рис. 1.

Доля населения, испытывающего беспокойство из-за слишком быстрых перемен в жизни и работе, в 2023 году по сравнению с 2021 годом немного снизилась, хотя данное снижение находится в рамках статистической погрешности. Вся динамика оценок беспокойства в мегаполисе находится в пределах 1–3%. В то же время можно отметить, что значительно увеличилась доля респон-

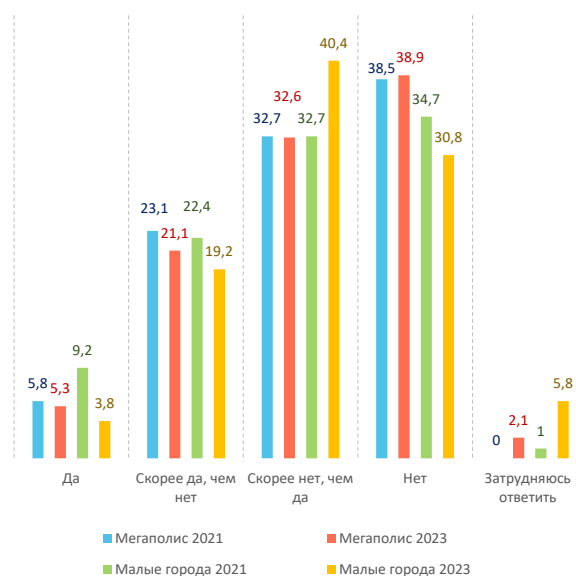

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Испытываете ли Вы беспокойство из-за слишком быстрых перемен в жизни и работе?», %

Источник: результаты собственного социологического исследования.

дентов из малых городов, ответивших, что они скорее не испытывают беспокойства из-за быстрых перемен. Рост данного показателя произошел как за счет сокращения доли тех, кто ранее беспокойство испытывал, так и за счет тех, кто ранее однозначно беспокойства не испытывал.

Таким образом, гипотеза 1 не подтвердилась – беспокойство испытывает меньше 40% населения.

Причины сокращения доли лиц, испытывающих беспокойство из-за слишком быстрых перемен в жизни, могут быть как внутренними (привычка к быстрым изменениям), так и внешними – усиление поддержки со стороны всех социальных институтов. Респондентам был задан вопрос о тех социальных институтах, которые, по их мнению, помогают им адекватно менять свое поведение и чувствовать себя увереннее в условиях быстрых перемен.

Наиболее результативными являются следующие институты (табл. 1):

– институт семьи – ее поддержку отметили треть опрошенных в 2021 году и две трети в 2023 году, т. е. рост более чем в два раза;

Таблица 1. Результативность влияния социальных институтов на общую адаптацию населения к динамичным изменениям в мегаполисе и малых городах, %

Что (или кто) Вам помогает чувствовать себя увереннее?	2021			2023		
	Мегаполис	Малые города	Отклонение, %	Мегаполис	Малые города	Отклонение, %
1	2	3	(3*100)/2	4	5	(5*100)/4
Поддержка семьи	36,5	35,7	97,7	70,5	67,3	95,4
Наличие денег, собственности	7,7	12,2	159,2	67,4	65,4	97,1
Поддержка родственников и/или друзей	32,7	29,6	90,5	58,9	57,7	97,9
Полученное образование	9,6	19,4	201,6	29,5	19,2	65,2
Творчество, искусство	9,6	10,2	106,1	28,4	28,8	101,5
Молитва/церковь	9,6	0,0	0,0	11,6	9,6	83,0
Консультации психолога (коуча, мотиватора)	1,9	2,0	106,1	8,4	5,8	68,5
Средства массовой информации	1,9	4,1	212,2	5,3	9,6	182,7
Властные структуры	0,0	2,0	-	1,1	0,0	0,0

Источник: результаты собственного социологического исследования.

в малых городах поддержку семьи как института помощи в адаптации отмечали несколько реже, чем в Екатеринбурге, однако разница составляет всего 3–5%;

– дружбы (и родственной поддержки) – отметили около 30% респондентов в 2021 году, и эта доля выросла почти в два раза (до 58%) в 2023 году; родственная и дружеская поддержка также чуть реже отмечалась жителями малых городов по сравнению с мегаполисом, но если в 2021 году разница составляла 10%, в 2023 году она снизилась до 2%;

– собственности (и деньги) – доля отметивших эти социальные институты в 2023 году выросла в Екатеринбурге в 8,8 раза, в малых городах – в 5,4 раза.

Респонденты также отмечали важность полученного образования, помогающего

адаптироваться к стремительным изменениям жизни. При этом доля отметивших данный институт в малых городах не изменилась, а в мегаполисе понимание важности образования для адаптации увеличилось в 3 раза, и если в 2021 году жители малых городов в 2 раза чаще отмечали важность образования по сравнению с мегаполисом, то в 2023 году жители мегаполиса уже в 1,5 раза чаще говорили о его важности.

Психологические теории и эмпирические данные свидетельствуют о роли творчества и искусства в снижении стресса и адаптации к изменениям, вызванным ускоряющимися социально-экономическими процессами, поэтому рост результативности влияния данного социального института составил 2,5–2,7 раза. Также респонденты стали чаще обращаться за помощью к профессиональным психологам (коучам, мотиваторам), где рост составил 4,4 раза в мегаполисе и 2,9 раза – в малых городах.

Возросло и влияние на адаптацию института религии, особенно в малых городах. В 2021 году респонденты не указали данный институт помощи в адаптации, а в 2023 году доля отметивших его уже составляла 9,6% (что частично подтверждает гипотезу 4). Из-за небольшого возрастания этой доли в мегаполисе, в малых городах по-прежнему процент остается ниже, что может свидетельствовать о недостаточной работе религиозных организаций в малых городах и на сельских территориях.

Опрос показал самую низкую результативность помощи в адаптации экономического поведения у института власти. Доля отметивших данный социальный институт колеблется в пределах от 0 до 2% вне зависимости от места проживания (мегаполис или малый город). Возможно, формулировка варианта ответа «властные структуры» оказалась сложной для восприятия респондентами. Скорее всего, для них была бы ближе формулировка «социальная помощь и поддержка государства».

Также низкую результативность показали институты средств массовой информации (СМИ). Доля отметивших данный

институт хотя и увеличилась в 2,5 раза, но остается менее 10%. При этом именно по показателям помощи данных социальных институтов имеется наибольшее расхождение между респондентами мегаполиса и малых городов. В малых городах население в 2 раза чаще считает, что СМИ помогают им адаптироваться, чем в г. Екатеринбурге.

Таким образом, гипотезы 2 и 3 подтвердились.

Кроме общей результативности влияния социальных институтов на адаптацию поведения населения к динамичным изменениям в рамках опроса также исследовались результаты содействия социальных институтов по отдельным направлениям социально-экономической активности. Мониторинговым был вопрос о содействии в освоении новых цифровых технологий на рабочих местах (табл. 2).

Таблица 2. Результативность влияния социальных институтов на адаптацию населения к внедрению цифровых технологий на рабочих местах в мегаполисе и малых городах, %

Кто (или что) помогал(о) Вам освоить новые цифровые технологии?	2021			2023		
	Мегаполис	Малые города	Отклонение, %	Мегаполис	Малые города	Отклонение, %
1	2	3	$(3*100)/2$	4	5	$(5*100)/4$
Сам(а) разобрался(лась)	44,2	44,9	101,5	52,6	96,2	182,7
Обучающие материалы в интернете	30,8	20,4	66,3	42,1	76,9	182,7
Коллеги	50,0	32,7	65,3	38,9	71,2	182,7
Друзья	23,1	10,2	44,2	32,6	59,6	182,7
Работодатель	13,5	18,4	136,4	27,4	9,6	35,1
Члены семьи	13,5	6,1	45,5	11,6	21,2	182,7

Источник: результаты собственного социологического исследования.

Опрос показал, что при внедрении новых цифровых технологий на рабочих местах работодатели часто не организуют обучение сотрудников (и не отправляют их на повышение квалификации). При этом доля ответивших, что работодатель организо-

вал обучение в 2023 году выросла в 2 раза в Екатеринбурге, в то время как в малых городах, наоборот, сократилась в 2 раза, и в результате суммарный показатель вырос всего на 3%, что находится в рамках статистической погрешности. В Свердловской области только каждый шестой сотрудник получает содействие от работодателя в освоении цифровых технологий, внедряемых на его рабочем месте.

Больше всего респондентов отметили, что сами разобрались в новых цифровых технологиях, и если в 2021 году разницы в ответах между мегаполисом и малыми городами не наблюдалось, то в 2023 году такой ответ в малых городах выбирали в 1,8 раза чаще, чем в Екатеринбурге. Также в малых городах в 1,8 раза чаще, чем в мегаполисе, используют такой инструмент экономического поведения, как обучающие материалы в сети Интернет, чтобы разобраться в новых цифровых технологиях, и в 1,8 раза чаще помогают разобраться с новыми технологиями коллеги.

В 2021 году изучалась также результативность влияния социальных институтов на адаптацию поведения населения к ограничениям, вызванным пандемией коронавируса, поскольку исследование проводилось в период с ноября 2021 года по январь 2022 года (период завершения данных ограничений), можно было подвести некоторые итоги (табл. 3). Наибольшую результативность показала поддержка семьи, особенно в мегаполисе (65,4% респондентов против 46,9% в малых городах), но и в малых городах этот показатель был самым высоким. Далее по мере убывания следует поддержка родственников и друзей, которая тоже в 1,2 раза выше в мегаполисе. На третьем месте стоят деньги, разница в частоте выбора этого ответа между мегаполисом и малыми городами составляет более двух раз.

В медицинской помощи в малых городах были уверены меньше респондентов по сравнению с опрошенными в мегаполисе, что объясняется качеством медицинских услуг; также почти в 2 раза меньше респондентов малых городов отметили социаль-

Таблица 3. Результативность влияния социальных институтов на адаптацию населения к ограничениям, вызванным пандемией коронавируса, в мегаполисе и малых городах, %

Кто (или что) помогал(о) вам утешить себя увереннее в условиях пандемии коронавируса?	Мегаполис	Малые города	Отклонение, %
1	2	3	(3*100)/2
Поддержка семьи	65,4	46,9	71,8
Поддержка родственников и/или друзей	46,2	38,8	84,0
Наличие денег	28,8	14,3	49,5
Уверенность в медицинской помощи в случае заболевания	17,3	13,3	76,6
Вера в Бога	17,3	10,2	59,0
Проведенная вакцинация	15,4	24,5	159,2
Забота государства, власти	1,9	8,2	424,5
Средства массовой информации	1,9	2,0	106,1

Источник: результаты собственного социологического исследования.

ный институт религии. Тем не менее в малых городах значительно выше (в 1,6 раза) оценивают вклад вакцинации в адаптацию к изменениям, в 4 раза выше ценят помощь государства и власти. Что касается СМИ, то результаты здесь наиболее низкие как в Екатеринбурге, так и в малых городах.

Поскольку в 2023 году ограничения из-за пандемии коронавируса уже были сняты, данный вопрос респондентам не задавался. В связи с тем что в 2022 году произошли иные значительные изменения в социально-экономической жизни и трудовой деятельности населения (начало специальной военной операции и последовавшие за ней санкции недружественных стран, введенные в отношении России, частичная военная мобилизация), было важно выяснить результативность влияния социальных институтов на помощь населению в преодолении этих вызовов. В табл. 4 представлена результативность влияния социальных институтов на адаптацию к санкциям.

Согласно данным, несмотря на то что в большей степени санкции влияют на занятость населения, основным социальным

Таблица 4. Результативность влияния социальных институтов на адаптацию населения к ограничениям наложенных на нашу страну санкций в мегаполисе и малых городах, %

Кто (или что) помогает (или может помочь) Вам чувствовать себя увереннее в период санкций против нашей страны?	Мегаполис	Малые города	Отклонение, %
1	2	3	(3*100)/2
Поддержка моей семьи	55,8	50,0	89,6
Наличие достаточной «финансовой подушки»	27,4	34,6	126,5
Средства массовой информации, в т.ч. интернет, подсказывающие, как их обойти	27,4	28,8	105,4
Действия президента и правительства нашей страны	24,2	17,3	71,5
Дружба с соотечественниками и с иностранными гражданами	22,1	21,2	95,7
Мои знания и профессионализм	17,9	15,4	86,0
Победы нашей армии на фронте	16,8	13,5	79,9
Молитва/церковь	11,6	9,6	83,0
Консультации специалистов (юристов, экономистов, психологов)	3,2	5,8	182,7

Источник: результаты собственного социологического исследования.

институтом помощи респонденты снова называли семью (в Екатеринбурге чаще, чем в малых городах – 55,8% против 50%). Далее выделяются:

- наличие достаточной «финансовой подушки» (при этом в малых городах социальный институт денег и собственности респонденты называют в 1,3 раза чаще, чем в мегаполисе);

- разъяснения СМИ о том, как обойти санкции (разница между ответами в мегаполисе и малых городах небольшая);

- действия Президента РФ и Правительства РФ (в мегаполисе отмечают более высокую результативность, чем в малых городах).

Меньшую результативность влияния показывают социальные институты:

- дружбы с соотечественниками и с иностранными гражданами;
- полученного образования;
- победы армии на фронте.

Все три института чаще отмечали жители мегаполиса, хотя разница в ответах невелика, кроме победы армии на фронте, который в мегаполисе отмечали в 1,2 раза чаще, чем в малых городах.

Наименьшую результативность показывают консультации специалистов (юристов, экономистов, психологов), которая значительно выше в малых городах, и институт религии, чья помощь выше оценивается в мегаполисе.

Изменения, связанные с проведением СВО и частичной военной мобилизацией, выступившей важным дестабилизирующим фактором развития страны в 2022 году, были вынесены в отдельный вопрос, поскольку именно данные события вызвали негативные эмоции у части населения, способствовали отъезду части населения из страны. Результативность влияния социальных институтов на адаптацию поведения населения к жизни в условиях СВО и частичной мобилизации представлена в табл. 5.

Таблица 5. Результативность влияния социальных институтов на адаптацию населения к жизни в условиях СВО и связанной с ней частичной мобилизации в мегаполисе и малых городах, %

Кто (или что) помогает Вам чувствовать себя увереннее в связи с СВО и частичной мобилизацией?	Мегаполис	Малые города	Отклонение, %
1	2	3	$(3*100)/2$
Поддержка семьи	42,1	48,1	114,2
Поддержка родственников и/или друзей	34,7	44,2	127,3
Опора на себя	29,5	30,8	104,4
Разъяснения и грамотная работа государства, власти	22,1	13,5	60,9
Действия нашей армии	16,8	15,4	91,3
Наличие денег, которые решают любые проблемы	15,8	13,5	85,3
Средства массовой информации	10,5	15,4	146,2
Вера в Бога, молитва	9,5	15,4	162,4
Образование по профессиям, предоставляющим бронь	7,4	11,5	156,6
Консультации психолога (коуча, мотиватора)	2,1	7,7	365,4

Источник: результаты собственного социологического исследования.

В отношении к этим динамичным изменениям снова наибольшую результативность помощи в адаптации показывает институт семьи, причем в малых городах данный показатель в 1,1 раза выше, чем в мегаполисе. Далее традиционно следует родственная и дружеская поддержка с преобладанием в малых городах в 1,3 раза. Треть опрошенных как в малых городах, так и в мегаполисе в данной ситуации опираются только на себя. В Екатеринбурге почти четверть опрошенных отметили грамотную работу государства по разъяснению ситуации, что помогло данной группе населения адаптироваться, в малых городах таких респондентов меньше в 1,6 раза.

Меньшую результативность показали:

- действия армии (разница в территориальном разрезе незначительная);
- наличие денег (разница составляет 15%);
- СМИ (их в 1,5 раза чаще отмечали в малых городах по сравнению с Екатеринбургом).

Самую низкую результативность показали социальные институты консультаций психолога (коуча, мотиватора), что респонденты в малых городах отмечали в 3,6 раза чаще, чем в мегаполисе; образование, предоставляющее бронь (в малых городах частота результата в 1,5 раза выше, чем в Екатеринбурге) и религия, которая при ответе на данный вопрос показала более высокую результативность в малых городах (в 1,6 раза).

Можно сделать вывод, что гипотеза 5 подтвердилась, поскольку результативность формальных институтов не соответствует высоким ожиданиям населения в условиях социальных шоков. Гипотеза 6 подтвердилась лишь в части ее низкого общего уровня, дифференциация в малых городах по сравнению с мегаполисом является неустойчивой.

Заключение

Таким образом, субъективная оценка результативности влияния социальных институтов на адаптацию поведения населения свидетельствует, что самую высокую

результативность показывают системы взаимодействия населения на основе социальных институтов семьи, родства и дружбы. Для этих институтов характерна высокая результативность не только в общей субъективной оценке, но и в оценке влияния помощи в адаптации поведения к конкретным событиям: пандемии, санкциям, СВО и частичной мобилизации, и даже – к цифровизации на рабочем месте. Чуть меньшую, но очень значительную результативность в субъективной оценке показывают механизмы взаимодействия субъектов экономики с населением на основе таких социальных институтов, как деньги, собственность и образование, при этом наблюдается рост результативности в 2023 году по сравнению с 2021 годом. Меньшую, но растущую результативность показывают системы взаимодействия на основе социальных институтов творчества (искусства) и религии, причем можно констатировать растущую, но недостаточную результативность деятельности религиозных организаций в малых городах области. Самую низкую результативность показали социальные институты власти и средств массовой информации, при этом уровень помощи СМИ в адаптации выше в малых городах по сравнению с мегаполисом, а власть более результативно работала в мегаполисе в вопросах разъяснения целей специальной военной операции и принципов частичной мобилизации.

Ограничениями данного исследования являются, во-первых, территориальная ограниченность проведения исследования

(имеется вероятность, что в других субъектах Российской Федерации результативность будет сильно отличаться от полученной), во-вторых, в опросах 2021 и 2023 гг. размещение выборки различное, поэтому динамика может быть искажена субъективными обстоятельствами, для преодоления которых необходимо проводить исследование в формате панельного наблюдения, когда через несколько лет опрашиваются те же респонденты.

Кроме того, следует отметить, что низкая субъективная результативность влияния социальных институтов на адаптацию поведения населения к динамичным социально-экономическим изменениям не является показателем наличия/отсутствия помощи и/или ее объема, а сигнализирует о соответствии/несоответствии оказываемой помощи ожиданиям населения. В связи с этим средствами массовой информации и властным структурам можно рекомендовать изучать ожидания населения по помощи ему в адаптации к быстроменяющимся социально-экономическим условиям и трансформировать эту помощь в соответствии с ожиданиями.

Для получения объективной информации о результативности влияния социальных институтов на экономическое поведение населения в условиях структурных изменений необходимо сочетание информации, полученной путем опросов, со статистической информацией, характеризующей экономическое поведение населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Авраамова Е.М., Логинов Д.М. (2018). Адаптация населения к «новой экономической реальности» // ЭКО. № 6 (528). С. 86–102.
- Белехова Г.В. (2018). Экономическое поведение населения: осмысление категории // Проблемы развития территории. № 5(97). С. 68–83. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.5
- Бондаренко О.В., Василюк Н.И. (2005). Социальная обусловленность экономического поведения. Новочеркасск: ЮРГТУ. 25 с.
- Вьюшина В.В., Павленко О.Б. (2010). Подходы к исследованию экономического поведения: экономика, социология, психология // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 11. С. 327–333.
- Дружинин В.Н. (2000). Психология. СПб.: Питер. 672 с.

- Истомин С.В. (2010). Особенности институциональных механизмов в трансформируемой экономике // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. № 6(187). Вып. 26. С. 52–56.
- Клюйко И.А., Морозов В.А. (2024). Анализ современных подходов к исследованию термина «модель поведения» // Вестник науки. № 2 (71). С. 390–399.
- Козырева П.М., Смирнов А.И. (2025). Как меняют жизнь россиян чрезвычайные события: новые вызовы и устойчивость адаптации // Социологическая наука и социальная практика. Т. 13. № 2. С. 9–27. DOI: 10.19181/snsp.2025.13.2.1
- Кулькова И.А. (2024). Обзор научных исследований экономического поведения населения // Human Progress. Т. 10. № 1. С. 2. DOI: 10.34709/HP.11012
- Ляпина И.Р., Журавлева Т.А., Скоблякова И.В. (2021). Социальные институты и их влияние на цикличность развития экономики // Среднерусский вестник общественных наук. Т. 16. № 4. С. 133–147. DOI: 10.33394/2071-2367-2021-16-4-133-147
- Маринова М.А. (2007). Специфика изучения экономических отношений в рамках социологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. № 2. С. 53–65.
- Нисанов Я.И., Тышкевич В.П. (2015). Хозяйственная аксиология экономического поведения человека // Философия хозяйства. № 4 (100). С. 63–69.
- Норт Д.К. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко. Москва: Фонд экономической книги «Начала». 190 с.
- Одегов Ю.Г., Руденко Г.Г., Бабынина Л.С. (2007). Экономика труда: в 2 т. Москва: Альфа-Пресс. Т. 1. 760 с.
- Полищук Е.А. (2005). Человеческий капитал в экономике современной России: проблемы формирования и реализации. Ижевск: Изд-во ИжГТУ. 184 с.
- Селиверстова О.Ф. (2015). Подходы к понятиям продуктивности, результативности и эффективности в сфере научных исследований и разработок // Фармакоэкономика. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология. Т. 8. № 4. С. 3–9.
- Смирнова Е.А. (2013). Анализ моделей поведения человека в экономике // Известия ВУЗов. Серия: Экономика, финансы и управление производством. № 2 (16). С. 112–120.
- Смит А. (1962). Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэтизм. 684 с.
- Штеле Е.А., Вечерковская О.Б. (2017). К вопросу о понятии «эффективность» // Экономический анализ: теория и практика. Т. 16. № 5 (464). С. 935–947. DOI: 10.24891/ea.16.5.935
- Шубников Ю.Б. (2013). Признаки и функции социальных институтов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (60). С. 44–49.
- Ядов В.А. (2006). Социальные институты // Человек. Сообщество. Управление. № 1. С. 4–13.
- Becker G.S. (1976). *The Economic Approach to Human Behavior*. University of Chicago Press.
- Kahneman D., Tversky A. (1979). Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*, 47(2), 263–291.
- Lecouteux G. (2016). From Homo Economicus to Homo Psychologicus: The paretian foundations of behavioural paternalism. *Economia. Psychology and Economics in Historical Perspective*, 6-2, 175–200. DOI: 10.4000/oconomia.2324
- von Neumann J.; Morgenstern O. (1944). *Theory of Games and Economic Behavior*. Princeton University Press.
- Tversky A., Kahneman D. (1992). Advances in prospect theory: Cumulative representation of uncertainty. *Journal of Risk and Uncertainty*, 5, 297–323.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Инна Анатольевна Кулькова – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: i.a.koulkova@mail.ru)

Kulkova I.A.

THE EFFECTIVENESS OF THE SOCIAL INSTITUTIONS' INFLUENCE ON THE PUBLIC ECONOMIC BEHAVIOR ADAPTATION TO EXTERNAL SHOCKS: MEGACITY AND SMALL TOWNS COMPARATIVE ANALYSIS

This article attempts to analyze the effectiveness of social institutions in influencing the public economic behavior, as they play a key role in shaping and transforming the economic behavior of individuals and groups in response to dynamic changes in the economic context. This effectiveness is assessed based on subjective opinions identified through a sociological survey. The survey was conducted between 2021 and 2024 (two waves: 297 respondents in the first, 268 in the second) in the Yekaterinburg city, which can be characterized as a metropolis, and in small towns of the Sverdlovsk region. This design made it possible to compare results based on settlement size. The findings revealed that nearly one-third of respondents experience anxiety stemming from rapid changes in their lives and work, with this proportion being slightly higher in small towns than in the metropolis. Support in adapting economic behavior is provided to the population through various social institutions. The highest effectiveness – defined as the degree to which institutional support meets public expectations – is observed for family, friendship, and kinship, showing roughly equal levels in both large and small cities. The institutions of education, money, property, and creativity demonstrate similar effectiveness of about 20% across settlement types. The effectiveness of religion and psychological counseling (including coaching, etc.) increased in 2023 compared to 2021. Meanwhile, the effectiveness of authority and mass media as social institutions remains relatively low but is somewhat higher in small towns than in the metropolis. The study's results can serve as a foundation for improving social programs and practices aimed at optimizing the economic behavior of the population.

Economic behavior, behavioral adaptation, social institutions, effectiveness of social institutions, subjective effectiveness' evaluation, dynamic socio-economic changes.

REFERENCES

- Avraamova E.M., Loginov D.M. (2018). Adaptation of the population to the “new economic reality”. *EKO=ECO Journal*, 6(528), 86–102 (in Russian).
- Becker G.S. (1976). *The Economic Approach to Human Behavior*. University of Chicago Press.
- Belekhova G.V. (2018). Economic behavior of the population: Understanding the category. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 5(97), 68–83. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.5 (in Russian).
- Bondarenko O.V., Vasilyuk N.I. (2005). *Sotsial'naya obuslovlennost' ekonomicheskogo povedeniya* [Social Conditionality of Economic Behavior]. Novocherkassk: YuRGU.
- Druzhinin V.N. (2000). *Psikhologiya* [Psychology]. Saint Petersburg: Piter.
- Istomin S.V. (2010). Features of institutional mechanisms in a transformed economy. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, 6(187), 26, 52–56 (in Russian).
- Kahneman D., Tversky A. (1979). Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*, 47(2), 263–291.
- Klyuiko I.A., Morozov V.A. (2024). Analysis of modern approaches to the study of the term “behavior model”. *Vestnik nauki*, 2(71), 390–399 (in Russian).
- Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2025). How extraordinary events change the lives of Russians: New challenges and resilience of adaptation. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 13(2), 9–27. DOI: 10.19181/snsp.2025.13.2.1 (in Russian).
- Kulkova I.A. (2024). Review of scientific research on the economic behavior of the population. *Human Progress*, 10(1), 2. DOI: 10.34709/IM.11012 (in Russian).

- Lecouteux G. (2016). From Homo Economicus to Homo Psychologicus: The paretian foundations of behavioural paternalism. *Economia. Psychology and Economics in Historical Perspective*, 6-2, 175–200. DOI: 10.4000/oeconomia.2324
- Lyapina I.R., Zhuravleva T.A., Skoblyakova I.V. (2021). Social institutions and their impact on the cyclical development of the economy. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*, 16(4), 133–147. DOI: 10.33394/2071-2367-2021-16-4-133-147 (in Russian).
- Marinova M.A. (2007). The specifics of the study of economic relations in the framework of sociology. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, 2, 53–65 (in Russian).
- Nisanov Ya.I., Tyshkevich V.P. (2015). Economic axiology of human economic behavior. *Filosofiya khozyaistva*, 4(100), 63–69 (in Russian).
- North D.C. (1997). *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomii* [Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance]. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi "Nachala".
- Odegov Yu.G., Rudenko G.G., Babynina L.S. (2007). *Ekonomika truda: v 2 t. T. 1* [Labor Economics: In 2 Volumes. Volume 1]. Moscow: Al'fa-Press.
- Polishchuk E.A. (2005). *Chelovecheskii kapital v ekonomike sovremennoi Rossii: problemy formirovaniya i realizatsii* [Human Capital in the Economy of Modern Russia: Problems of Formation and Implementation]. Izhevsk: Izd-vo IzhGTU.
- Seliverstova O.F. (2015). Approaches to the concepts of productivity, effectiveness and efficiency in the field of scientific research and development. *Farmakoekonomika. Sovremennaya farmakoekonomika i farmakoepidemiologiya*, 8(4), 3–9 (in Russian).
- Shtele E.A., Vecherkovskaya O.B. (2017). On the issue of the concept of "efficiency". *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*, 16, 5(464), 935–947. DOI: 10.24891/ea.16.5.935 (in Russian).
- Shubnikov Yu.B. (2013). Signs and functions of social institutions. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 4(60), 44–49 (in Russian).
- Smirnova E.A. (2013). Analysis of human behavior patterns in the economy. *Izvestiya VUZov. Seriya: Ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom*, 2(16), 112–120 (in Russian).
- Smith A. (1962). *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [Study on the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Moscow: Sotsegiz.
- Tversky A., Kahneman D. (1992). Advances in prospect theory: Cumulative representation of uncertainty. *Journal of Risk and Uncertainty*, 5, 297–323.
- von Neumann J., Morgenstern O. (1944). *Theory of Games and Economic Behavior*. Princeton University Press.
- V'yushina V.V., Pavlenko O.B. (2010). Approaches to the study of economic behavior: *Economics, sociology, psychology. Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 11, 327–333 (in Russian).
- Yadov V.A. (2006). Social institutions. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, 1, 4–13 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Inna A. Kulkova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Leading Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: i.a.koulkova@mail.ru)